

— Расскажи Тао Хуайнаню, как ты вернулся, — сказал Тао Сяодун, потянув его за одежду и заглянув под воротник. Раны ещё не зажили, на шее и лице остались кровавые корки. — Я не видел, чтобы у кого-то из детей были такие идеи.

Тао Хуайнань быстро уловил суть и спросил:

— Как ты вернулся?

Чи Ку покачал головой, прося Тао Сяодуна не говорить.

— Не качай головой, — сказал Тао Сяодун, не обращая на это внимания. — Мне кажется, он в этом доме полезнее меня.

Тао Хуайнань нахмурился, леденец во рту с треском раскололся:

— Как ты вернулся?

Старший ещё не успокоился, а младший уже начал приставать. Чи Ку сначала проигнорировал младшего, глядя на Тао Сяодуна:

— В любом случае, я виноват, брат.

На самом деле Тао Сяодун уже давно не злился, с детьми нельзя долго держать зло, он просто хотел, чтобы Чи Ку запомнил урок.

— Если в следующий раз ты снова покажешь такое безрассудство, — Тао Сяодун потрепал его по затылку, толкнув вперёд так, что Чи Ку не удержал равновесие и сел на пол, — мы с тобой серьёзно поговорим.

Старший вроде как успокоился, но остался ещё один назойливый малыш.

Весь день Тао Хуайнань не отставал от Чи Ку, спрашивая:

— Как ты вернулся?

Чи Ку взглянул на Тао Сяодуна, а тот, не вмешиваясь, просто наблюдал за происходящим.

К вечеру Чи Ку не выдержал и кратко объяснил.

Тао Хуайнань не смог сдержать гнева, тяжело дыша. Потом, вспомнив, как Чи Ку избивали, он почувствовал сильную боль, злился, но не мог не спросить, не болит ли ещё.

— Вот почему ты всё время кашляешь с тех пор, как вернулся, — сказал Тао Хуайнань, касаясь груди Чи Ку. — Болит?

— Нет, — ответил Чи Ку, убрав его руку. Весь день он провёл с Тао Хуайнанем, и теперь хотел только закончить задание и лечь спать.

— Даже брат, с его терпеливым характером, разозлился на тебя, — сказал Тао Хуайнань, теперь даже жалея, что помог ему помириться с братом. — Кто бы не разозлился?

— Ты только не начинай, — сказал Чи Ку, всё ещё держа ручку в правой руке, левой он небрежно потрогал ухо и подбородок Тао Хуайнаня.

Тот откинул голову назад:

— Отстань.

Чи Ку убрал руку, сказав:

— Не откидывай голову.

Однажды Тао Хуайнань так откинулся на стуле и упал, ударившись головой об пол. Боль не проходила несколько дней.

В то время Тао Хуайнань так боялся, что Чи Ку изобьют, что предпочёл бы, чтобы тот вообще не возвращался, лишь бы он был в порядке. Но Чи Ку специально позволил отцу избить себя, чтобы вернуться, и это разбило сердце Тао Хуайнаня. Сначала он злился, но никто не понимал Чи Ку лучше, чем он, и злость быстро сменилась болью.

Неопределённые эмоции переполняли сердце Тао Хуайнаня.

Как бы он ни волновался, он ничего не видел, и маленький слепой мальчик мог только попросить Чи Ку показать, где он пострадал.

Чи Ку, доведённый до предела, только сказал:

— Встань, отойди от меня.

Тао Хуайнань не обращал на это внимания, протянул руки и накрыл голову Чи Ку, начав ощупывать его лицо. На глазнице он нащупал неровную корку, слегка коснувшись её большим пальцем:

— Эта корка такая толстая.

— Ничего страшного, — ответил Чи Ку.

Ладонь Тао Хуайнаня лежала на лице Чи Ку, пальцы осторожно ощупывали его, ладонь была тёплой, и это вызывало зуд. Чи Ку больше не мог терпеть, встал и пересел на другое место.

Тао Хуайнань последовал за ним на диван, и, слушая телевизор, протянул руку под одежду Чи Ку, чтобы ощупать его спину.

— Тао Хуайнань, — Чи Ку схватил его руку и отбросил, раздражённо кашляя.

— Что ты кричишь, — нахмурился Тао Хуайнань, — тебе же не больно.

Тао Сяодун сидел на другом конце дивана, смотря телевизор и с удовольствием наблюдая за их вознёй. Они всегда были такими, один пристаёт, другой уклоняется.

Просто у них не было чуткости, старший брат был слишком простодушным.

В этом доме не хватало чуткой женщины, а все трое были мужчинами, и мужчины грубы. Тао Сяодун во многом воспитывал детей довольно небрежно.

В воскресенье Чи Ку учился в комнате, а Тао Хуайнань лежал на коленях брата, слушая фильм.

По шестому каналу показывали иностранный фильм, боевик. Звуки драк и выстрелов усыпляли

Тао Хуайнаня, он не любил такое, не видел субтитров и не понимал языка. Но Чи Ку учился и не обращал на него внимания, поэтому Тао Хуайнань пошёл к брату.

Тао Сяодун лёгонько гладил его по голове, и это было так приятно, что Тао Хуайнань почти заснул.

В фильме наступила редкая пауза, мужчина и женщина говорили тихо, долго молчали, и после полуулыбки женщины звуки изменились.

Шорох ткани, тяжёлое дыхание и медленная фоновая музыка.

Грубое дыхание смешалось, они говорили что-то, чего Тао Хуайнань не понимал, но инстинктивно чувствовал, что происходит что-то странное.

Тао Хуайнань открыл глаза и спросил:

— Что они делают?

Тао Сяодун не придал этому значения:

— Целуются.

— Целуются? — Тао Хуайнань моргнул. Конечно, он знал, что такое поцелуй, но это был первый раз, когда он слышал, как это звучит. Звук был странный...

Просто странно, даже слушать было неловко.

Через несколько секунд сцена сменилась, и ощущение липкой интимности исчезло. Тао Хуайнань снова закрыл глаза, звук всё ещё звучал в его голове, и он невольно представлял, как двое людей целуются, чувствуя лёгкое отвращение, считая это грязным.

Но в то же время было небольшое непреодолимое любопытство.

Тао Сяодун разжёл это любопытство, выключил телевизор и пошёл спать или на работу, оставив это любопытство на попечение младшего брата, Чи Ку.

Когда они остались вдвоём, Тао Хуайнань спросил Чи Ку:

— Ты когда-нибудь целовался?

Чи Ку был ошарашен этим вопросом, замер на мгновение, а затем нахмурился:

— С кем я целовался?

— С класс... — Тао Хуайнань не успел закончить, как Чи Ку громко положил ручку, прервав его.

— Ты меня до смерти доведёшь, — тихо фыркнул Чи Ку. Раньше Тао Хуайнань, услышав чьи-то слова, мог разыграть целую драму. Если бы у Чи Ку действительно появился кто-то, с кем можно целоваться, он бы разрушил весь дом.

— Да, — сказал Тао Хуайнань, представляя, как Чи Ку целуется с кем-то, и ему стало не по себе.

Чем больше он думал, тем больше ему становилось неловко.

То, что сначала вызывало любопытство, как только касалось Чи Ку, мгновенно теряло всю привлекательность, и он даже не мог об этом думать. В конце концов, он сам себе надоел, укрылся одеялом и спокойно лёг спать.

Долгое время Тао Хуайнань оставался в таком состоянии. Как только что-то начинало его интересовать, он представлял это с участием Чи Ку, и всё любопытство моментально исчезало, вызывая настоящее отвращение к этим мыслям.

Это привело к тому, что мальчик, который должен был начать взрослеть, не имел в голове никаких романтических идей.

В этой невинной наивности Тао Хуайнаня Чи Ку становился всё выше, плечи его крепили, голос становился приятнее, и больше никто не называл его уродливым.

Процесс взросления был обычным, но каждый день приносил новые истории.

Завтра у Тао Хуайнаня день рождения, и ему исполнится шестнадцать.

Чи Ку тоже шестнадцать, его день рождения позже, он всего на год старше Тао Хуайнаня. Тао Хуайнань вот-вот перешагнёт порог шестнадцатилетия, а Чи Ку уже на исходе этого возраста.

В первый месяц третьего года обучения Чи Ку неожиданно снова занял первое место на школьных экзаменах.

Ах, теперь он Чи Чэн.

В прошлом году его имя окончательно исчезло из семейного реестра Чи, и Тао Сяодун не смог оформить усыновление. Теперь он зарегистрирован в семье брата Хуана. Перед регистрацией Тао Сяодун не поленился, потратил несколько дней и в итоге записал его как Чи Чэн.

— «Горький», говорите, — Тао Сяодун смотрел на имя «Чи Ку» с отвращением, оно резало глаза.

В новом документе появилось имя «Чи Чэн», и Тао Сяодун, обняв его за плечи, с улыбкой в глазах сказал:

— Беги, брат, лети.

С того дня «унизительное имя», данное для здоровья, исчезло, как и прошлое «Горький».

Сначала Тао Хуайнань не мог привыкнуть, всё ещё называл его «Чи Ку», ведь это имя звучало много лет. Потом он привык к новому имени, но когда другие тоже начали его называть, оно уже не казалось таким близким.

<http://bllate.org/book/16228/1458223>